

Византийской империи, могло прозвучать как определение исторической миссии Руси, перспектив ее политической жизни. Именно эта вторая особенность „Истории“ вызвала и в науке истолкование ее смысла в этом направлении. Вот как, например, выражена эта концепция в книге Н. К. Гудзия: „Падение Константинополя, — пишет он, — должно было необычайно окрылить московскую официозную мысль и укрепить в ней представление о том, что погибшие религиозные и политические византийские ценности должны вновь возродиться уже на русской почве. К этому и сводился публицистический смысл повести Нестора Искандера“.¹

Однако этих данных, на наш взгляд, недостаточно для того, чтобы „Историю“ о взятии Царьграда турками вводить в круг произведений, развивавших теорию „Москвы — третьего Рима“, и считать, что в ней в какой-то мере ставится вопрос о возрождении на русской почве „погибших религиозных и политических византийских ценностей“. Наименование Константинополя „Новым Римом“ свидетельствует только о том, что в этом отношении автор „Истории“ следовал прочно установившейся средневековой традиции. Греческие и латинские средневековые историки и писатели нередко называют Константинополь Новым Римом.² Историческое предание даже связывает возникновение этого названия с самим основателем Константинополя. Так, Феофан пишет, что Царьград был назван Новым Римом самим Константином. Близко по смыслу к этому и свидетельство М. Гезихия. Новым Римом называют Константинополь Григорий Богослов, Оттон Фризингенский и др. Таким образом, очевидно, что наименование Константинополя Новым Римом в „Истории“ не стоит ни в какой зависимости от созданной на Руси в конце XV — начале XVI веков теории „Москвы — третьего Рима“, хотя это наименование по своему смыслу весьма близко стоит ко „второму Риму“ данной теории.

Царьград уже с самого момента своего основания окружается в греческой литературе целым рядом литературных произведений провиденциального или мистического характера. Они писались в форме ямбических стихотворений, поэм, загадок, сновидений, прорицаний и пр. Их авторы подражали то античной поэзии, то народным произведениям, то апокалипсису и т. д. В них шла речь о чудесном возникновении Царьграда, о его патрональных святынях, осуществлявших волю провидения и, чаще всего, о его неизбежной гибели. Причем, произведения эти появлялись у греков еще задолго до действительного падения Византийской империи. Складывалась определенная историософия, основанная частично на исторических знаниях и опыте, частично на различного рода религиозно-мистических учениях, сообразно которой Византийская империя, как и ряд государств древнего мира, падет под ударами внешних врагов, но в конце концов будет спасена посланным свыше царем. Этот взгляд на будущую судьбу империи имел широкое распространение и среди высших слоев византийского общества, и в народной среде. Его придерживались такие политические и церковные деятели, как патриарх Мефодий, сенатор Григорий Схолярый (впоследствии — патриарх Геннадий), Георгий Франтца и мн. др. В течение ряда веков менялось представление о враге Византии, и предсказания об угрожающей ей опасности последовательно применялись то к арабам, то к славянам, то к крестоносцам, то, наконец, к туркам.

¹ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1950, стр. 245.

² И. И. Срезневский. Повесть о Цареграде. Ученые записки II отделения Академии Наук, СПб., 1854, кн. I, разд. III, стр. 106.